

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
ТРАДИЦИОННЫХ СООБЩЕСТВ СЕВЕРА:
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И СОПОСТАВЛЕНИЯ

УДК 811.512.157'373

ЛЕКСЕМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА
И НЕБЕСНУЮ СФЕРУ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Р.Н. Анисимов

*Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
teployakutia@mail.ru*

***Аннотация.** В рамках фразеосемантического поля «качественно-оценочная характеристика человека» рассматриваются фразеологические единицы якутского языка, в состав которых входят лексические компоненты Кун 'Солнце', Ый 'Луна', Халлаан 'Небо'. Впервые в якутской фразеологии привлекается фразеологический материал из родственных тюркских языков Южной Сибири (алтайский, хакасский, тувинский) и древнетюркских письменных памятников.*

***Ключевые слова:** фразеосемантическое поле, фразеологическая единица, фразеологизм, устойчивые сочетание слова, фразеологические параллели, этимология, слово-компонент, качественно-оценочная характеристика лица, оценочные фразеологизмы, эпический текст.*

LEXEMES EXPRESSING CELESTRIAL BODIES AND
THE CELESTRIAL SPHERE AS COMPONENTS
OF THE YAKUT PHRASEOLOGISMS

***Abstract.** The qualitative and evaluative characteristics of the human being are regarded as phraseological units of the Yakut language within the scope of the phrasal and semantic field. These phraseological units include the lexical components 'kyun' ('sun'), 'iy' ('moon'), 'khalan' ('sky'). For the*

first time in Yakut phraseology, this article combines the phraseological data from related Turkic languages of Southern Siberia (Altaic, Khakass, Tuvin) and ancient Turkic written records.

Keywords: *phraseological and semantic field, phraseological unit, phraseologism, set expressions, phraseological parallels, etymology, component words, qualitative and evaluative characteristic, evaluative phraseologisms, epic text, anthropocentrism.*

Изучение фразеологии в последние годы развивается по антропологической парадигме, постулаты которого были заложены еще В. Гумбольдтом, полагавшим, что изучение языка подчинено «цели познания человека самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [1. С. 383]. В тюркской фразеологии данное направление активно разрабатывается исследователями казанской фразеологической школы Багаутдиновой Г.А. и Сакаевой Л.Р. В якутской фразеологии в антропоцентрическом аспекте Прокопьевой С.М. и Готовцевой Л.М. выполнены сопоставительные исследования с неродственными немецким и русским языками.

Сравнительное исследование фразеологических единиц (ФЕ) якутского языка с родственными тюркскими языками еще не предпринималось. В 60-х гг. прошлого столетия первый якутский фразеолог Н.С. Григорьев отмечал, что фразеологическую систему якутского языка надо изучать не только средствами самого языка, «но и привлекая сравнительный материал других языков, в особенности родственных» [2. С.170].

В свете сказанного и с учетом современных достижений лингвистической науки сравнительное изучение фразеологической системы якутского языка с родственными тюркскими языками в антропоцентрическом аспекте представляется весьма актуальным. Такого рода языковедческие штудии позволяют реконструировать тюркский фразеологический фонд, уловить особенности формирования чувственно-образной модификации фразеологической картины мира. Считается, что ФЕ – устойчивые образные сочетания – ярко и образно эксплицируют мировосприятие, ментальность этноса.

Лексема Күн ‘Солнце’ в составе ФЕ

Древние тюрки, как известно, были солнцепоклонниками, культ солнца был вторым объектом поклонения после неба [3. С. 332]. В эпи-

ческой картине мира якуты идентифицируют себя как этнос с устойчивым эпитетом *күн улууһа* – букв. солнечное племя (улус) [4. С. 39], [5. С. 51] и *күннэ үнэр дьон* – солнцепоклонники [6, стб.3129].

В якутском языке эпитет *күн* ‘солнечный’ экспрессивно коннотирует самого человека: *күн кийитэ* – букв. солнечный человек; человек солнечного мира [7. С. 139]; 8. С. 111]. В фольклорных текстах ‘человеком солнечного мира’ именовали себя не только якуты, но и все “аборигены Южной Сибири” [9. С. 90]. Как правило, ‘солнечный человек’ должен быть ‘прямым, простым’ как солнце – *күн курдук көнө санаалаах*, а сердце – способным сострадать другим людям, быть жалостливым и сердобольным: *күн санаалаах* – букв. с солнечной мыслью.

В тюркских языках, как отмечается в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков», «на базе названия солнца возникло много ласкательных слов и выражений: *künim* ‘мое солнышко’, *künimdej körkem* ‘красивая как солнце’, *künsuluw* – букв. ‘солнечная красавица’» [3. С. 333]. Между тем в доступных нам источниках по южносибирским языкам какие-либо примеры использования компонента *күн* ‘солнце’ в составе ФЕ обнаружить не удалось. В якутском языке существуют устойчивые сочетания, номинирующие единственного ребенка, будущую надежду или любимого человека: *күннэ көрбүтүм* – букв. под солнцем увиденный мною; *күнүм тэнэ* – букв. подобно солнцу моему.

В традиционном мировоззрении тюрков передняя часть человека – это солнечная сторона, «солярная система ориентации», где рождаются солнце, свет, жизнь [9. С. 90], она воспринималась неприкосновенной стороной. Потому обходить спереди человека было непозволительным жестом. Данная архаическая семантика жеста относится, по-видимому, к воззрению «средневековой культуры человека, где он рассматривался как единство души и тела, а жест обладал религиозной и юридической силой» [10. С. 14].

Мотивационную основу данной культуремы ярко свидетельствует якутская фразеологическая единица *күн диэки күлүгэ кэһиллибэт кийи* – букв. человек, тень которого с солнечной стороны нельзя обойти. Так говорят об уважаемом, почитаемом человеке, чаще всего о великом шамане. По верованиям тюрков, «запрещалось наступать на тень людей, которые старше тебя» [9. С. 183], «чтобы не навредить человеку» [11. С. 228], так как тень создавалась как чувственная субстанция, отражение – «двой-

ник» человека. В целом у многих народов в древности отношение к тени было мифологизированным. Она «считалась душой человека» [12. С. 332].

С неясной мотивационной основой предстаёт ФЕ *кун кырыата киһи* – букв. человек инея солнца, который кодирует семантику ‘слабого здорового, хилого’ человека. Как зафиксировано в словаре Э.К. Пекарского, данная ФЕ использовалась в речи и по отношению к домашнему скоту: *ый кун кырыата бабадьы!* – «говорят о худой, тощей скотине, которая не только не отъедается, но и не набивает брюха, хотя и много ела» [6, стб.1421].

Лексема Ый ‘Луна’ в составе ФЕ

Наличие в якутском языке фразеологической единицы *ый-кун ыһыаба гын* – букв. превратить в праздник Луны и Солнца свидетельствует о существовании в древности у якутов наряду с Солнцем и культа почитания Луны. Семантика данной ФЕ – ‘раздавать все съестные припасы без расчета и экономии; промотать все имущество и деньги’. Как поясняет А.Е. Кулаковский, «на весенних празднествах, устраиваемых в честь небесных божеств, якуты брызгали молочные продукты вокруг места игралищ... Следов почитания якутами небесных светил, кроме этой поговорки, нигде не сохранилось» [13. С. 199-200]. У древних якутов, как отмечает А.Е. Захарова, «лунный культ являлся, видимо, более древним, в силу чего он был почти забыт» [10. С. 25].

В тюркской картине мира Луна обычно характеризует человека с ‘красивым, приятным лицом’, ассоциируясь с красотой мифологического божества с одноименным названием: *toğılıq toluñ aj teg jüzlüq* – ‘с лицом красивым, подобным полной Луне’ [14. С. 576].

В алтайском эпосе «Маадай Кара» лицо богатыря Когюдей-Мергена сравнивается с Луной: *толы айды́й бу чырайлу* – букв. лицо – как полная луна [15. С. 157]. А в якутском языке, если лицо человека и сравнивается с луной, то с негативной коннотацией, что подтверждает пример из текста олонхо: *кыыспыт ый сырайын курдук сырайдаах* – (четыре больших кузнеца) с рожами, как полный месяц [6, стб. 1430], где разгоряченные, покрасневшие от жара кузнечных мехов лица кузнецов уподобляются красной Луне.

Луна в тюркской мифологии, как правило, выступает носителем женского начала и олицетворяет женскую красоту: в турецком *ay gibi* – букв.

словно Луна, очень красивая; в тувинском ай ышкаш кирбиктерлиг – с красиво выгнутыми бровями. Букв. с бровями, как луна.

В якутском языке диалектная ФЕ *ый курдук ыраас өйдөөх* – букв. со светлым умом, как луна, зафиксированная в сборнике Н.В. Емельянова, относится к микрополю ‘умственные способности человека’ [16. С. 85].

Лексема Халлаан ‘Небо’ в составе ФЕ

В тюркских языках для обозначения ‘неба’ отмечается 8 названий в различных фонетических вариантах: 1. *teŋiŋ; 2. *kök; 3. *qalyq; 4. *ewren; 5. як. халлān, родственное с 3-м; 6. чув. tüpe (<töbe); 7. asman / aspan; 8. арабск. заимств. sāma [3. С. 716]. Из них 3 лексических единицы имеют параллель в якутском языке: 1. *teŋiŋ ~ *тангара* 2. *kök ~ *күөх* 3. *qalyq, возможно, родственный с *халлаан* [17. С. 92].

Общетюркский *teŋiŋ в огузских языках перешел в гласные задне-рядные: tanŋu, taŋara, taŋara [3. С. 327]. Якутских фразеологизмов с компонентом *тангара*, характеризующих человека, немного, например, *тангара обото* – букв. божье дитя, так говорят о простодушном, безобидном человеке [18. С. 179]. В хакасском языке тигір ‘небо’ лежит в основе компаративной ФЕ с оценочной характеристикой внешних качеств человека: көк тигір осхас харахтар – голубые глаза. Букв. как синее небо глаза [19. С. 569].

Литературно устойчивая лексема *халлаан* ‘небо’ в якутском языке демонстрирует большую фразеобразовательную активность, чем *тангара* ‘небо’, для характеристики человека и его деятельности. Так, неприспособленного к жизни, социально не адаптированного человека маркирует ФЕ *халлаан кинитэ* – букв. человек неба [18. С. 324]. О ‘безграмотном, неграмотном’ человеке с иронизированной оценкой употребляют *халлаан суруксута* – букв. небесный писарь [18. С. 324]. Примечательно, что образ небесного писаря устойчиво закреплен в эпической памяти этноса, где он занимает видное место в пантеоне божеств якутской мифологии. Так, *халлаан суруксута* – небесный писарь, живущий у Юрюнг Айыы Тойона [6, стб. 2367], «Юрюнг Айыы Тойон созвал на первый кумыс... писаря трех небес, писаря Белого Юс Нёмер» [20. С. 87].

Ранее установлено, что компонент *халлаан* мотивирует в семантике ФЕ значения, основанные на таких признаках, как ‘пустота, бесполезность, недоступность’, с семантикой вербального поведения, психоло-

гического состояния человека [21. С. 82]: *халлааны саппабырдан* – быть немощным – букв. омрачая небо [13. С. 147].

Активное использование компонента *халлаан* ‘небо’ в составе ФЕ в различных фразеосемантических вариациях, предположительно характеризует его как устойчивую, возможно, и более древнюю лексему с семантикой неба. Считается, что *халлаан* образовано от собственно якутской глагольной основы халын- ‘проясняться’ + аффикс –аан, соотносящееся с маньчж. галга, галгань ‘чистое, ясное небо, ведро’ [6, стб. 3265]. К такому мнению склонялись О.Н. Бетлингк, Э.К. Пекарский, М. Стаховский. По мнению П.А. Слепцова, вопрос может несколько проясниться по уточнению этимологии глагола халын [17. С. 94]. В последнее время среди тюркологов утверждается мнение, что якутский *халлаан* восходит к древнетюркскому *qaluq, образованному от глагольной основы *qalı- ‘подниматься, взлетать, подпрыгивать’ [3. С. 716].

Непостоянное, плывучее состояние атмосферного явления *былыт* ‘облако’ легло в основу оценки человека с негативной коннотацией ‘пройдохи, плута, мошенника’: *ааһар былыт албына* – букв. лжец проходящего облака [6, стб. 72]. Это устойчивое сочетание слов встречается в основном в эпическом тексте для характеристики отрицательного персонажа олонхо.

В фольклорной лексике также встречается парное использование компонентов ‘небо’ и ‘облако’ в описании единственной, ненаглядной дочери-красавицы главных героев олонхо: *былыттаах тангараба быктарбакка* – букв. не показывая даже облачному небу [22. С. 239]. Как видно, лексема *тангара* представлена здесь в более архаичном своем значении ‘небо’. Данный устойчивый словесный комплекс реформировался в литературную ФЕ: *былыттаах халлаанга быкпатах* – букв. ‘не выглянувший в небо с облаками’ [18. С.151] с семантикой характеристики капризного, очень избалованного лица. Обычно так говорят о детях.

Компоненты ‘небо’ и ‘облако’ в составе ФЕ формируют также значение, характеризующее человека ‘непостоянного, быстро меняющего свое решение’: *былыттаах халлаан курдук киһи* – букв. человек, подобный пасмурному небу [18. С. 151].

В древнетюркской лексике слово *bult в составе устойчивого сочетания зафиксировано для характеристики внешнего качества человека: пышные волосы сравниваются с массивными ‘облаками’: *bult teg saç* – волосы (пышные), как облако (Словарь Махмуда Кашгарского: 354)

[14. С. 123], также в современном турецком языке ФЕ *karabulut gibi* – букв. как дождевое облако, характеризует мрачного, угрюмого человека [23. С. 512]. В основе формирования данных компаративных ФЕ лежит наблюдение говорящего над пролетающим облаком на небе.

Таким образом, обнаруженное, хотя и немногочисленное, количество аналогичных семантически мотивированных фразеологизмов якутского и тюркских языков Южной Сибири может свидетельствовать о том, что фразеологическая система тюркских языков имеет общие корни. В свою очередь, схожесть ассоциативных образов может быть обусловлена также и универсальными знаниями об окружающем мире и общечеловеческой природой. Выявленные в результате сравнительно-сопоставительного анализа национально-специфичные фразеологические единицы якутского языка, не имеющие параллелей в родственных тюркских языках, подтверждают мнение о том, что формирование этих фразеологизмов протекало в условиях отсутствия контакта с родственными языками.

Литература

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт ; под ред. Г.В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1984. – 400 с.
2. Григорьев, Н.С. О некоторых вопросах методики научного анализа фразеологических единиц якутского языка / Н.С. Григорьев // Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения : материалы конференции. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1960. – С. 165-177.
3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. : Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – Москва : Наука, 2006. – 908 с.
4. Фразеологический словарь якутского языка / Н.С. Григорьев. – Якутск : Кн. изд-во, 1974. – 127 с.
5. Кыыс Дэбилийэ : якутский героический эпос. – Новосибирск : Наука, 1993. – 330 с.
6. Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка : в 3 т. – 2-е изд., фотомеханич. / Э.К. Пекарский. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1959.
7. Габышева, Л.Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти / Л.Л. Габышева. – Новосибирск : Наука, 2009. – 143 с.
8. Хаан Дьаргыстай : олонхо / Сост. В.В. Илларионов. – Якутск : Алаас, 2016. – 232 с.

9. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек и общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1989. – 243 с.
10. Захарова, А.Е. Архаическая и ритуально-обрядовая символика народа саха / А.Е. Захарова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 312 с.
11. Хисамитдинова, Ф.Г. Словарь башкирской мифологии / Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 420 с.
12. Маковский, М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. – Москва : ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
13. Кулаковский, А.Е. Научные труды / А.Е. кулаковский ; подг. к печати: Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. – Якутск : Кн. изд-во, 1979. – 484 с.
14. Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Надеяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. – Ленинград : Наука, 1969. – 676 с.
15. Маадай-Кара : алтайский героический эпос. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. – 474 с.
16. Емельянов, Н.В. Якутские пословицы и поговорки / Н.В. Емельянов. – Якутск : Кн. Изд-во, 1962. – 245 с.
17. Слепцов, П.А. О словах күөх, тангара, халлаан в якутском языке / П.А. Слепцов // Урало-алтайские исследования. – 2009. – №1. – С. 92-95.
18. Якутско-русский фразеологический словарь / Сост. А.Г. Нелунов. – Новосибирск : Гео, 2002. – Т. 1. – 287 с., – Т. 2. – 420 с.
19. Хакасско-русский словарь / под ред. О.В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1115 с.
20. Бурнашев, И.И.-Тонг Суорун. Сылгы уола Дыырай Бухатыыр = Сын лошади Богатырь Дыырай / Подг. к печати : В.В. Илларионов, Т.В. Илларионова. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 376 с.
21. Афанасьева, Е.Н. Репрезентация концепта «небо» в картине мира якутского языка / Е.Н. Афанасьева // Известия Рос. госуд. пед. университета им. А.И. Герцена. – 2013. – № 160. – С.75-84.
22. Тимофеев-Теплоухов, И.Г. Иэйэхсит сиэнэ эриэн таба аттаах Эрэбил Бэргэн / И.Г. Теплоухов-Тимофеев ; науч. ред. А.Е. Захарова. – Дьокуускай : РИО ДДН им. А.Е. Кулаковского, 2015. – 370 с.
23. Большой турецко-русский словарь / сост. А.Н. Баскаков и др. – 3-е изд. – Москва : Живой язык, 2006. – 960 с.